

КАРКАЙ

КАДЪКА №6

Güle güle (A Valediction)

Дорогие друзья,

некоторые из вас, вероятно, помнят, что редакторы «Karaköy ve Kadıköy», поставив себе целью собирание текстов, по разным причинам не лезущих ни в какие ворота, просили авторов сопровождать присылаемые материалы записками, объясняющими те критерии, согласно которым они выводили свои тексты за границы допустимого. В завершающем проекте номере редакторы решили взять роль нарушителей конвенции на себя, отказавшись от публикации авторских разъяснений и толкований. Вместо этого было выбрано направление номера, делающее всякие комментарии излишними. Невлезание в ворота в данном случае самоочевидно: номер составлен из текстов, написанных на двух, трех и более того языках одновременно.

При этом отнюдь не всегда иноязычные фрагменты сопровождаются переводами на русский язык. Следуя такому принципу, редакторы исходили из не укладывающегося ни в какие рамки предположения, что уровень восприятия текста читателями вовсе не обязан соответствовать какому-то определенному стандарту и отвечать каким-то устойчивым нормам. Интеллектуальность любого текста всегда остается за пределами рамок, ворот и прочих ограничительных отметок, а многоязычие предоставляет особенно интересный казус, позволяющий проверить на практике данное общее положение de finibus bonorum et malorum.

За сим редакторы «Двоеточия» прощаются с читателями «Каракёя и Кадикёя» и желают им с пользой провести время, листая и перелистывая виртуальные страницы обоих журналов.

Гали-Дана Зингер, Некод Зингер

КАРАКЁЙ И КАДИКЁЙ №6

Иерусалим
5776

Жорж Перек:

Из «Обманов зрения»

(стихи на французском языке)

dire

vent atone

recoin

à désigner

fées & ombres

dont

dérive

réel gourd

значит

несильный ветер

уголок

чтобы придумать

фей и тени

из которых

появится

окоченевшая реальность

dire

vent atone

recoin

a designer

fees & ombres

don't

derive

reel gourd

ужасное

жерло перекупить

заново отпечатать

дизайнер

оплаты и игры

не

извлекать

юркую тыкву

icy
mire venue
n'ose
engraver
bribes plates
d'une
averse sale

ледяной
явлен прицел
не осмеливается
прибить к берегу
плоские клочки
от
грязного ливня

palace
pour rider d'art
grief poncé
gale en l'air net
cavé
altération *vide*
lecture à bout

роскошный отель
для рыцаря искусства
тщательная жалоба
парша в ясном воздухе
лох
бессмысленное изменение
после прочтения

icy
mire venue
nose
engraver
bribes plates
dune
averse sale

ледяная
трясина
запах
гравер
взятки таблицы
дюна
нежелательная продажа

palace
pour rider dart
grief ponce
gale en lair net
cave
alteration *vide*
lecture a bout

дворец
лить стрелы ездока
скорбящий сутенер
буря в могильных сетях
пещера
смотри изменение
отчитывать битву

coin à chat
chose
borne/borné
irons-nous
supplier
Laura/l'aura
mail mange/mangé
mien pays
comment ?

уголок для кошки
предмет
зажим / ограниченный
должны мы
молить
Лору / ауру
почта ест / съела
мою страну
как?

coin a chat
chose
borne
irons nous
supplier
Laura
mail mange
mien pays
comment?

вычекань разговор
избранный
привнесенный
железо о нет
поставщик
Лаура
чесотка почтовых отправлений
манера себя вести платит
есть комментарии?

thèse altérable
don d'une once
d'un loin mas
ton illusion d'un
pourtour
grave/ gravé grime/ grimé l'air
on attend
spire
regain ému
rayon rose

thèse altérable
don dune once
dun loin ma's
ton illusion dun
pour tour
grave grime lair
on attend
spire
regain ermu
rayon rose

or à dresser
lame/l'âme mince
hale/halé/hâle/hâlé
encore râpé/râpé
n'est forage
un axe rude
ride & fend
limitation/l'imitation
référée
pour choir
ou/où traces/tracés
font béer
les chairs d'une vie

or a dresser
lame mince
haie encore râpe
nest forage
un axe rude
ride & fend
limitation référée
pour choir
out races
font béer
Les' chairs dune vie

изменяемая диссертация
дар унции
издалека масса
твоя иллюзия
дальним периметром
всерьез /
выгравированная (-ое) копоть /
загрязнение воздуха
ждут
завиток
обновлен тронут
розовый луч

эти переменные
однажды донская дюна
бурая поясница Ма
тонная иллюзия бурости
вливается путешествие
могильное грязное логово
на посещение
шпиля
вернуть себе Эрну (эму)
роза из шелка

золото чтобы нарисовать
лезвие / тонкую душу
пинок / загорелый / загар / загоревший
все равно перетертый / измельченный
не бурение
грубый топор
трещина и раскол
ограничение / имитация
упоминаемая
для хора
или / где следы / где участки
зияют
жизненной плотью

или туалетный столик
нетонкий фарш
веселье на бис изнасилование
гнездовой фураж
топорная грубость
ездить и отбиваться
ограничение рефери
вылейте хор
из гонок
купельное пиво
состязаются столовые дюны

Перевод с франглийского языка: Татьяна Бонч

И.Зандман: сквозь чужой

Edouard Levé: autoportrait

Adolescent, je croyais que *La Vie mode d'emploi* m'aiderait à vivre, et *Suicide mode d'emploi* à mourir. J'ai passé trois ans et trois mois à l'étranger. Je préfère regarder sur ma gauche. Un de mes amis jouit dans la trahison. La fin d'un voyage me laisse le même goût triste que la fin d'un roman. J'oublie ce qui me déplaît. J'ai peut-être parlé sans le savoir avec quelqu'un qui a tué quelqu'un. Je vais regarder dans les impasses. Ce qu'il y a au bout de la vie ne me fait pas peur. Je n'écoute pas vraiment ce qu'on me dit. Je m'étonne qu'on me donne un surnom alors qu'on me connaît à peine. Je suis lent à comprendre que quelqu'un se comporte mal avec moi, tant je suis surpris que cela m'arrive : le mal est en quelque sorte irréel. J'archive.

I finished reading 'Autoportrait' by Edouard Levé a few days ago. It was a bizarre process. I started reading with an enthusiasm of sorts, anticipating a new Pillow Book. There were times, when I found myself engrossed in a dialog with the portraitist and there were times, when I was talking to the one portrayed. Then, on discovering that it wasn't exactly a Pillow Book of any times, I began to wish I could introduce some kind of order into my reading process. Then the moment has come when I finally understood that I was mortally bored by the writer who was obviously obsessed with all things that were boring him. But still I continued my reading finding out all sorts of uninteresting facts like Levé's taste in clothes and sports or details of his relationships with cars and women, unexpectedly interrupted by some absorbing sentence rich with a promise of a novel or at least a novella. I badly wanted to erase all in-between lines, leaving only those that have captivated me, and I was already vaguely guessing that they won't be in abundance. After that, when I've completed nearly two thirds of the book, it dawned on me that instead of reading the book named 'Autoportrait', I was obstinately trying to read an unwritten book (at least not written by Edouard Levé) named Autobiography. It partly explained me what was the problem with the modern writer: it was the modern reader.

All this was followed by the new and different wish and by a question, if I leave only these small and mostly trivial statements that match faithfully my own experience or contradict it precisely, whether it will contain any information about me (I would rather say *meself*) or not. And finally I became so torn apart by opposing wishes and ideas concerning this book, that the best way out of the inner turmoil seemed to forget I've ever read it. That's when I started scribbling upon its pages and obliterating some of them completely.

Je préfère regarder sur ma gauche. *I prefer to look to my left.*

Sometimes, quite often in fact, *I forget things I don't like* (**J'oublie ce qui me déplaît**). When I remember them, it seems suddenly very important to make a list of all things I don't like, but till now I've always succeeded in preventing myself from starting it. Can't I forget that I don't like such lists and a lot of other things as well?

J'ai peut-être parlé sans le savoir avec quelqu'un qui a tué quelqu'un.

~~*I may have spoken, without knowing it, to someone who killed someone.*~~

At least twice. I mean killed twice. I've spoken to him plenty of times, in case you may call hi! or morning! or bye! speaking. It was our drunkard neighbour's boyfriend who came home every week from the "zone", the place of his imprisonment, for a nice and cozy weekend. He have already killed someone before, perhaps, it was considered a case of manslaughter, and some night he did it again beating the life out of the drunkard neighbour's drunken casual bedmate whom he found upon his unexpected return. Perhaps, our drunkard neighbour just forgot it was Friday. After that the boyfriend didn't went back on Monday as he was supposed to do. He lay

low in our communal apartment and at the time the militiaman arrived shut himself in our communal lavatory. Being asked about his whereabouts, we emptied our faces, looked blankly and told we have no idea. Complaining to militia was out of question. It used to be a thing that simply wasn't done. Later the boyfriend disappeared. And later on we left Leningrad and our communal apartment with all its neighbours and bedbugs.

I look down dead-end streets. I don't quite understand what it means. I don't look down on dead-end streets. Without **on looking down** don't translate itself easily. Perhaps, it means walking down and looking closely? At least, that's exactly what I do. I do it every time I enter a dead-end street, sometimes they are not even dead-end, there is some way out or way through, and sometimes they are precisely this. The way back doesn't bore me, not in the slightest. Everything is different on my way back, especially as *I look on my left.* (**Je préfère regarder sur ma gauche**). **Je vais regarder dans les impasses.** Я смотрю в тупики?

Ce qu'il y a au bout de la vie ne me fait pas peur.

Sometimes, *I am not afraid of what comes at the end of life.* I'm afraid incomparably more of resurrection than of total disintegration.

Je n'écoute pas vraiment ce qu'on me dit.

Sometimes, *I don't really listen to what people are saying,* but most of the time I do.

La compétition ne me stimule pas.

Competition does not drive me, it repels me.

To describe my life precisely would take longer than to live it. **Décrire précisément ma vie me prendrait plus de temps que la vivre.** There is nothing surprising in it. It depends on the kind of precision you choose to be precise enough.

Je me demande si, en vieillissant, je deviendrai réactionnaire.

I wonder if I will turn reactionary with age. It can easily happen, just because the world, the life, the history started repeating itself, undermining everything I hold as worthwhile. Only the nature doesn't repeat itself anymore. At least not in a way it did before. It quietly fizzles away. As I will do, hopefully.

I wish I could distinguish between the seasons that last a week as Japanese do, but I'm afraid I can't do it. Most of times we have less than four traditional seasons in a year, although from time to time three instances of winter can happen through the perfectly sensible autumn mixed with an unnaturally early spring bordering on insanely hot summer day. And I don't even mention such unqualified occasions as the gray and dusty days of the

Syrian Ash flight, usually before the Passover full moon, fraying nerves or (I don't remember what for I wrote this 'or' anymore; perhaps, and not often, numbing brains).

I do not love myself. I do not hate myself.

I do. I love myself. I hate myself. It's hard to believe in someone who doesn't. What is there to love? And what is there to hate? Can I explain this *self* thing? Better don't even try. It's nothing, yet it's right there in the middle of this nothingness.

Sometimes, *I do not forget to forget.* **Je n'oublie pas d'oublier.** Иногда я не забываю забывать. Но только иногда.

Je ne crois pas que Satan existe.

I do not believe in the existence of Satan, but I believe in the reality of Evil.

Je préfère m'ennuyer seul qu'à deux.

I would rather be bored alone than with someone else. It's comparatively difficult to bore me. Now it's done easier by talking, than by keeping silent. Back in my childhood and youth it was the other way round.

J'ai vu un homme dont la moitié gauche du visage exprimait autre chose que la partie droite.

I have never seen a man who expressed one thing with the left side of his face and something else with the right. Neither have I.

Je ne dis pas «A est mieux que B » mais « je préfère A à B».

I do not say "A is better than B" but "I prefer A to B." So do I.

When I am coming back from a trip, even from the one no longer than a few hours, I'm happy that I'm returning home, that I'm already back. Entering my flat I'm instantly depressed. When I am going for a trip, I am capable to leave behind nearly everything that was troubling me during my everyday life, the very minute I'm sitting in the taxi.

Je ne peux pas dormir avec quelqu'un qui bouge, ronfle, respire fort ou tire sur les draps.

I always thought that *I cannot sleep beside someone who moves around, snores, breathes heavily, or steals the covers.* I was right, though not completely.

Je peux dormir enlacé avec quelqu'un qui ne bouge pas.

I can't *sleep with my arms around someone even if he doesn't move.* That's a pity. I wonder who can. Some movie stars, not very likely.

Some movies *have affected me more than the best works of fiction*. I remember myself at fourteen leaving the cinema after watching my first “real” movie. “Andrei Rublev” it was. The frowning mask on my face, frozen in attempt not to look upon anything profane. For years I refused to watch movies so as not to defile the true art. Странно, что мне не пришло в голову выколоть себе глаза, как сделал бы на моем месте всякий порядочный средневековый мистик, переживший подобное откровение. I never watched it again, and I don’t even like it anymore.

J’ai tenté une fois de me suicider, j’ai été tenté quatre fois de tenter de me suicider.

I have attempted suicide once, I’ve been tempted four times to attempt it. Я хорошо помню, как обливаясь слезами, сидел на зеленом бристоле, укрывавшим письменный стол от пролитых чернил, и пилил запястье тупой бритвой «Нева». Что было причиной? Кажется, очередное унижение физкультурой, но не поручусь. Страх материнского гнева тоже каким-то образом присутствовал, хотя не помню, чтоб за неудачи на физкультуре меня ругали. Бритва была такой тупой, будто задалась целью символизировать тупость сразу всего на свете: учителя физкультуры, урока физкультуры, физкультуры в целом, моей попытки самоубийства в частности и мою. How many times *I’ve been tempted to attempt it*? Times uncounted. Why didn’t I succumb to the temptation? Perhaps, I was lucky enough to think every time of someone on whom I couldn’t play such a dirty trick. Perhaps, the memory of my mother threatening me with her suicide is still fresh.

Je jette difficilement.

I am bad at throwing. I am bad at catching. I’m bad at aiming in general.

Il m’est arrivé d’entendre, mais pas de voir un fruit tomber de la branche.

I have heard and seen fruit fall from the branch. So I always felt the truth behind Mandelstam’s line «Звук осторожный и глухой плода, сорвавшегося с древа». The sound cautious and dull of a fruit fallen from tree. And even behind Pasternak’s one: «Где, как обугленные груши, с деревьев тысячи грачей сорвутся в лужи». Where thousands of rooks, like charred pears, will break from the branches into the puddles.

Les noms propres me fascinent parce que j’en ignore la signification.

Proper names fascinate me without any need of explanation. I spent hours, even days leafing through the world atlas, choosing the most exotic and romantic ones and forgetting them promptly. The one and only that I remember fondly is Земля Королевы Мод, Dronning Maud Land, Queen Maud Land. I think, after I learnt that the Queen had nothing to do with парад мод, défilé de mode, fashion parade, I started to confuse her with Queen Mab, and never stopped since.

Mes mauvais souvenirs de voyage sont plus drôles à raconter que les bons.

My worst memories of travelling are funnier in the telling than my good ones. Не так ли обстоит дело у всех? И не то же ли случается с другими воспоминаниями? Не потому ли самый удачный мой номер – это воспоминания об уроках гражданской обороны? «Товарищ майор, разрешите обратиться», - и вот все уже смеются.

Je n’ai jamais regretté d’avoir dit ce que je pensais vraiment.

Sometimes, *I have regretted saying what I really thought*. Quite regularly, I would say. Nearly always. Every time I succeeded to tell nothing I’m grotesquely pleased with myself.

Les histoires d’amour m’ennuient. Je ne raconte pas mes histoires d’amour.

Love stories don’t bore me. Very few things really bore me. Forever I try to *tell my own* one and yet I never did. Even now I try to tell it, you can see the results (null) for yourself. Is it too complicated, you may ask yourself. The answer is yes and no. It’s as simple and as egotistical as love stories usually are, especially when you haven’t made a choice in time and then it was made for you by someone else. By someone you loved, of course. By both of them. By someone who loved you. By both of them. So your story becomes a story of violation and rejection simultaneously. So my story became. В точности как моя попытка писать свою историю чужими словами и чужим языком одновременно. Кто из двоих оказался чужими словами, а кто – чужим языком? Ты сам оказался и тем, и другим.

I wonder how I would behave under torture. We were brought up in contemplation of this thought. The fact that some Frenchman pondered the same possibility seems curiously touching. Under the torture of the thwarted love affair I’ve started to talk, yet didn’t tell anything so far.

I have sometimes been suspicious. And then deeply ashamed of myself. Understandably, I prefer being a fool to being paranoid.

Looking at old photos leads me to believe that even the body images disappear after those who left them, it just takes a little longer. This belief fills me with indescribable pleasure, as if I were a surf obtaining his freedom or a sinner receiving an eternal indulgence just for reciting a Pater Noster and an Ave Maria while walking between two crosses in Calle del Perdon in Venice.

I reproach others for what they reproach in me.

I am not stingy, I admire money well spent.

I will sometimes announce good news, concerning myself, to someone I like and be shocked to realize that he’s jealous. I find myself uglier in profile and straight on than in three quarter view.

I don't feel more at ease with the old than with the young, I'm quite uneasy in both cases.

Je n'aime pas les orteils. J'aimerais ne pas avoir d'ongles.

I do not like the big toe. I wish I had no nails.

Je ne cherche pas les honneurs, je ne respecte pas les distinctions, je suis indifférent aux récompenses.

I have no interest in awards, I have no respect for distinctions, I don't care what I'm paid.

J'ai du goût pour les gens bizarres. *I am not drawn to strange people, I'm one of them.*

Je ne peux pas mémoriser les prénoms des personnes que l'on vient de me présenter.

I can't remember the name of a person I've just met.

Je ne fais bourse commune avec personne.

I have ~~never~~ always had a shared bank account.

Je connais mal le nom des fleurs. Je reconnais le marronnier, le tilleul, le peuplier, le saule, le saule pleureur, le chêne, le châtaignier, le pin, le sapin, le hêtre, le platane, le noisetier, le pommier, le cerisier, le lilas, le prunier, le poirier, le figuier, le cèdre, le séquoia, le baobab, le palmier, le cocotier, le chêne-liège, l'érable, l'olivier. Je nomme, sans les reconnaître, le frêne, le tremble, l'orme, le fusain, l'arbousier, le bougainvillier, le catalpa.

I do not know enough names of flowers, though I know quite a lot of them. I would like to know more, but I have trouble remembering the new ones. I recognize the chestnut tree, the lime tree, the poplar, the willow, the weeping willow, the oak, the pine, the fir, the beech, the hazelnut, the apple, the cherry, the lilac, the plum, the pear, the fig, the cedar, the thuja, the cypress, the eucalyptus, the palm tree, the baobab, the larch, the linden, the almond tree, the orange tree, the lemon tree, the magnolia, the tallow tree, the maple, the olive, the ash, the aspen, the strawberry tree, the bougainvillea, the thorn and the hawthorn, the alder, the acacia. I can name, but do not recognize the sycamore, the spindle tree, the catalpa, the bottle-tree, the sequoia, the hackleberry.

J'ai connu des températures allant de moins vingt-cinq à plus quarante-cinq degrés.

I have known climates that went from - 30 °C to over +40 °C.

J'ai rencontré des catholiques, des protestants, des mormons, des juifs, des musulmans, des hindouistes, des bouddhistes, des amish, des témoins de Jéhovah, des scientologues.

I have met Catholics, Protestants, Mormons, Jews, Muslims, Hindus, Buddhists, Druzes, Jehovah's Witnesses, Baha'is, but not Amish, Mennonites, Scientologists, Yazidis, Manichaeans, Zoroastrians, Bogomils, Caodaists and many more.

J'ai vu la terre, la montagne et la mer. J'ai vu des lacs, des fleuves, des rivières, des ruisseaux, des torrents, des cataractes.

I have seen earth, mountains, and sea. I have seen lakes, rivers, creeks, brooks, torrents, waterfalls.

J'ai vu des volcans.

I have not seen volcanoes.

J'ai vu des estuaires, des côtes, des îles, des continents. J'ai vu des grottes, des canyons, des chapeaux de fées. J'ai vu des déserts, des plages, des dunes. J'ai vu le soleil et la lune. J'ai vu des étoiles, des comètes, une éclipse.

I have seen coasts, islands, caves, deserts, beaches, dunes. I have seen the sun and the moon and their full and partial eclipses. I have seen stars.

Je n'ai pas signé de manifeste.

I have ~~not~~ signed a manifesto.

Si je tourne en me regardant dans un miroir, vient un moment où je ne me vois plus.

If I turn around while looking in the mirror, there comes a moment when I no longer see myself.

Je me délecte de l'emballage avant d'accéder à l'objet. *I delight in the wrapping paper before acceding to the object.*

Visiter des églises m'ennuie, je me demande si, à part quelques spécialistes, il existe des gens que cela enchante.

Visiting churches bores me, I wonder whether, apart from a few specialists, anybody enjoys it very much.

Je ne sais pas nommer les étoiles.

I do ~~not~~ know the names of the stars. Я знаю несколько названий звезд, но не могу найти их в небе.

Je regarde les êtres fantastiques dans les nuages.

I see fantastical beings in the clouds.

Je n'ai pas vu de geyser, d'atoll, de fosse sous-marine.

I have never seen a geyser, an atoll, an undersea trench.

Je n'ai pas fait de prison.

I have never done time in prison.

J'aime les lumières tamisées.

I like dim lights.

When I write several e-mails on the same day, I force myself not to describe the same events, as if the addressees might one day realize that I had written the same e-mail several times over or even worse had copied it.

I take no pleasure in others' misfortunes.

I do not bow down before a metal idol. I am not horrified by my heritage.

I do not till the earth.

I still expect to discover new marvels in classical music, and I hope to be able of taking pleasure until I die in the ones I already know.

I admit to being wrong.

I do not listen to jazz.

I sometimes feel like an impostor without knowing why, as if a shadow falls over me and I can't make it go away.

To me a simple "No" is pleasantly brief, but to others it's upsettingly harsh.

The noise level when it's turned up too high in a restaurant ruins my meal.

I rarely regret a decision and always regret not having made one. I think back on the pain of affairs that never took place.

I have less desire to change things than to change my perception of them.

I take pictures because I have no real desire to change things.

Sometimes I think I will end up in hell. More often I think I am in hell, but then I repent and think fearfully that it all can be just a child's play compared to all the possibilities out there.

I look more closely at old photographs than contemporary ones, they are smaller, and their details are more precise.

If I look in the mirror for long enough, a moment comes when my face stops meaning anything. I like to say thank you. I cannot perceive the delay in mirrors. I like narrative movies and I like the novel.

Art that unfolds over time gives me no less pleasure than art that stops it.

The second time I walk the same route, I pay more attention to the view and walk slower.

If I put off a phone call where something is at stake, the wait becomes more difficult than the call. I am impatient when waiting for a phone call and when I have to make one.

I have more good memories than bad ones. I'm not so sure of that. Perhaps, I don't like remembering the bad ones, but they are still there.

When I'm sure I like an article of clothing I would like buy a few of the same one. I made it once or twice in my life.

I have let several classmates copy from me in class, it didn't make me more popular.

I get excited by the idea of reading the biography of an author I love, then when I actually do it I lose steam.

When I make lists of names, I dread the ones I forget. I read for an hour before I turn out the light. I do not use glasses for reading.

I do not read at the beach. At the beach I hate to leave.

I don't like museums, mainly because they tire me out.

I make no predictions.

Sometimes I realize that what I'm in the middle of saying is boring, so I just stop talking.

Maybe I'm writing this book so I won't have to talk anymore.

Курсивом набраны фрагменты английского перевода Лорин Стейн.

Adolescent, je croyais que La Vie mode d'emploi m'aiderait à vivre, et Suicide mode d'emploi à mourir. J'ai passé trois ans et trois mois à l'étranger. Je préfère regarder sur ma gauche. Un de mes amis jouit dans la trahison. La fin d'un voyage me laisse le même goût triste que la fin d'un roman. J'oublie ce qui me déplaît. J'ai peut-être parlé sans le savoir avec quelqu'un qui a tué quelqu'un. Je vais regarder dans les impasses. Ce qu'il y a au bout de la vie ne me fait pas peur. Je n'écoute pas vraiment ce qu'on me dit. Je m'étonne qu'on me donne un surnom alors qu'on me connaît à peine. Je suis lent à comprendre que quelqu'un se comporte mal avec moi, tant je suis surpris que cela m'arrive : le mal est en quelque sorte irréel. J'archive.

Гвидо Монте: АНА (#2, #3, #4)

Aha #2: Milton

Paradise lost and my babbles

Sa idam uktavān ¹:

in the beginning, out of Chaos,
no light, but rather darkness visible

sed inter tenebras ² the mind...

in itself can make a heaven of hell,
a hell of heaven

îmi amintesc ³ the palpable obscure

et etiam tam jetum yatate ⁴

the void profound of unessential night

et for evil only good, *eu cad* ⁵

where all life dies, death lives

nu vă place? ⁶

through the void immense to search

with wandering quest a place foretold...

kartum na yujyate ⁷

notes

¹ so he said

² but between the darkness

³ I remember

⁴ he tries to win it

⁵ I fall

⁶ don't you like?

⁷ it isn't worth

Aha #2: Мильтон

Потерянный рай и мой лепет

Sa idam uktavān ¹:

Начально, из Хаоса

Но не светил и видимою тьмой

sed inter tenebras ² разум... и создать

В себе из Рая — Ад и Рай из Ада

Он может.

îmi amintesc ³ столь темные дела

et etiam tam jetum yatate ⁴

В пространстве, без начала и конца, в тьме осязаемой

пригодный лишь для зла, *eu cad* ⁵

Где живо мертвое, мертво живое

nu vă place? ⁶

в бездонной глубине, чтоб отыскать

тот новый мир, предсказанный...

kartum na yujyate ⁷

примечания

¹ так он сказал (санскрит)

² но в темноте (латынь)

³ я помню (румынский)

⁴ он пытается завоевать \ заслужить \ выиграть (санскрит)

⁵ я падаю (румынский)

⁶ вам не нравится? (румынский)

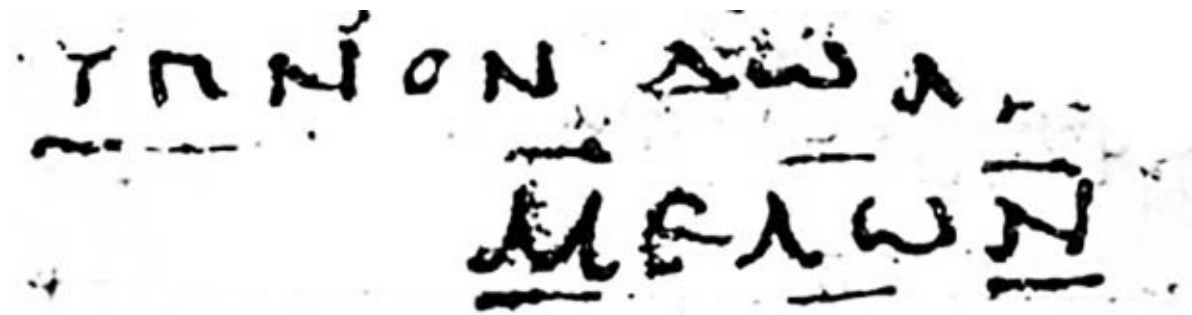
⁷ это не стоит (хиндустани)

Aha n.3: gwyrlen (garland)
(Sappho, Halewy, Neher, d'Olivet, Swinburne)

(phaisi dé pota Lédan uakinthoi
pepykádmenon euren oion -
et la terre existait tohu wabohu...)
God: **'ayyekkâ?'**
Man : «hinnenî, mais je n'espère pas
dead winds' and spent waves' riot «
God : **'sed etiam Nomen meum**
intra ossa tua serva,
sed etiam Nomen meum
intra rahamin frementes tuas serva -
y esperad todavia'
Man : «mais je n'espère pas»

Aha n.3: gwyrlen (гирлянда)
(Сапфо, Галеви, Нэер, д'Оливе, Суинберн)

(Молвят, что Леда яйцо
нашла среди гиацинтов –
и земля была безвидна и пуста...)
Бог: **Где ты?**
Человек: «Здесь я, но я не надеюсь
мертвых ветров и растраченных волн мятеж
Бог: **«Но Имя мое сохрани**
в костях твоих,
но Имя мое сохрани
в твоей возмущенной внутренности –
надейся и впредь»
Человек: «Но я не надеюсь»

Aha n.4: The End
(Eugenio Montale, Heraclitus, Guido Cavalcanti)

So che si può esistere
non vivendo,
tu epilanthanoménoy ei e odòs ághei

tanto è distrutta già la mia persona,
ch'i' non posso soffrire
(anápaula en tei phyghei)—

la morte
mi stringe sì, che vita m'abbandona
ai psykaì osmontai cath' Aiden

Aha n.4: Конец
(Эудженио Монтале, Гераклит, Гвидо Кавальканти)

Я знаю, можно быть
и не живя,
забыв, куда ведет дорога.

Разрушено во мне столь много,
что я уж больше не страдаю
(вот утешение в изгнании)

смерть
так меня теснит, что покидает жизнь,
а души чувствуют дыхание Аида

Перевела Гали-Дана Зингер
с использованием переводов Аркадия Штейнберга и А.В.Лебедева.

В санскрите понятие *aha* охватывает все буквы алфавита, символически объемля все мироздание. - Прим. автора.

Михаил Макаровский: песнь прозелита

Восточный ветер опалает Иерусалим в начале дня, когда гора Зейтим расступается северней и южней, в знак почета к восходящему солнцу. Тогда же два потока вытекают из Иерусалима через долину Кедрон, и орошают Восточное Море, приуготовливая его земли для жизни. И ветер иссушает пустые глазницы и пожелтелые скулы ханаанейских воинов, окружающих Иерусалим, иссушает и развеивает их по пустыне. И город полнится шумом празднования Суккот, и шумом радости, и шумом звона священной посуды, с потеками крови и жира приношений.

А когда вечереет, гостиницы Дан Панорама и Кинг Дэвид включают опознавательные сигналы, и на их антенны слетаются журналисты, офицеры, художники, монахи, финансисты и хиппи. Дует ветер с моря, и под покровом тьмы они изучают язык под руководством двух птиц. И так говорят они:

Ани ба-яар галахти
Ве-коль офот шама'ти
Эхад йеофеф муль орпи
Ве-омер: «Пи-пи-пи!
Тегилат адонай йедабер пи!»

А потом они спят, и во сне им являются старые кладбища Фессалоник и Варшавы, и еще видят они руины домов, и голубей, воркующих над остовами Лифты и Ум аз-Зинат, и поющих:

горе отцу который
выгнал детей
своих и горе детям
выгнанным из
отчего дома

И сигналы их пульсирующих сердец становятся сигналами разведки, запеленгованными на пути из Каира в Тегеран; и не знают они врага своего, потому что человек не может увидеть его и остаться в живых.

В 45 году в. э. (возможной эры), בלל ה'למנים, Бог был уличен в пособничестве реакционным элементам неизбежности, и приговорен к отключению от машины еще до заката. Субботний день выдался жарким, и приторный запах сирени и жасмина тяготил воздух. Время было, вероятно, военным, и в час, названный одним современным поэтом «часом вольной воли», вынесший приговор Квадривиум собрался, чтобы наблюдать за его исполнением.

Бог лежал навзничь на железной кровати, скрип пружин которой отдавался белым шумом вечности, головой ко входу, и его юные зеленые глаза глядели лукаво на входящих.

И вошли они и встали у четырех углов кровати.

И вошел Готфрид Лейбниц, и поправил китель, и встал ошую Бога, в изножьи кровати.

И вошел экзоскелет Espinoza v. 2.13, и поправил китель, и встал одесную Бога, в изголовьи кровати.

И вошел Андреа Альчато, и поправил китель, и встал одесную Бога, в изножьи кровати.

И вошел Ури Цви Гринберг, и поправил китель, и встал ошую Бога, в изголовьи кровати.

Все действия членов Квадривиума сопровождались беспорядочной, конвульсивной жестикуляцией, и приглаживанием сбритых бород. Ведь как члены высшей Четверки НОМ (Наиболее Осуществимого Мира), они должны были успевать работать с тремя, а то и десятью мирами за раз.

Произошедшее затем таится в немой тайне; никто из возможно живущих не обладает памятью о событиях, случившихся в той комнате. Новейшие археофизические открытия, правда, указывают на появление нового типа людей из волос бороды экзоскелета Espinoza v. 2.13, путем случайных связей. Но построение соответствующей типологии крайне затрудняется, в силу способности этого типа есть и говорить одновременно, оттягивая нижнюю губу.

הו, פלסטין, פלסטין.
גם את הזיין שלי חתכתי, כדי לשאת בעול סבלך,
אך כאברך גדול מנשוא, כמו תשוקתי אלייך.

תבואי אליי, הו פלסטין אהובתי,
אל תתני לי לעשות כלום.
הו, עד מה תהיינה אכזריות פנייך.

יום אביב יבוא ורקפות תפרחנה , פלשטין,
כי כל הנהרות חוזרים אל הנהרות.

אך בינתיים נתעלס ונפליג איתך באהבה,
מנסיונות שתמו אל הנסיונות שהחלו.

Текст составлен из цитат, позаимствованных из стихов израильских поэтов: Йоны Волах (Тфилин), Хаима Гури (Баб-эль-Вад), Авота Йешуруна (Все реки) и Зельды (Йом Киппурим). Подобный стихо-коллаж подразумевает двойное отношение к описываемой действительности (любви героя и Палестины): с одной стороны, герой не может высказаться своими словами, но вынужден постоянно цитировать классические тексты, расчлняя и сталкивая их и лишая их первичного смысла (который, предполагается, он понять не в силах); это подчеркивается и в названии, ведь как известно, «прозелиты подобны проказе» (Талмуд), представляя собой болезнь, которая паразитирует на теле «общины Израиля». С другой стороны, подобное отчуждение прямой речи обнаруживает себя соответствующим политической действительности, в которой действительно «невозможно ничего делать»; можно вспомнить дадаистские техники коллажа. Но если в словах героя звучит пессимизм и неспособность излечить боль своей возлюбленной, то на уровне высказывания происходит переворот: высказанное и выраженное бессилие внезапно превращается в программу избавления, которая утверждает, что речь эклектичная, «заимствованная» является не только единственно возможной, но и необходимой для «излечения» речи, неспособной признаться в любви, освободившись от виртуального прошлого.

Речь, находящаяся в долгу перед «каноном», может рассчитаться с ним лишь с процентами, доведя свою задолженность до абсурда - притом, «каноническими» методами. А повторенное дважды бессилие открывает путь к избавлению - избавлению от абстрактной заостренности ситуаций.

Максим Оркис:

Два стихотворения

Геннадия Григорьева

В качестве предисловия к следующему циклу предлагаем читателю письмо Михаила Болдумана. Издательство благодарит Евгения Мякишева за любезно предоставленный доступ к его личному архиву. Текст воспроизведен без изменений. Орфография и пунктуация автора.

«Глубоколюбимый мой ЕМулькин! Решил явиться тебе во сне. С повинной. Покаяться чистосердечно, ибо согрешил. Точнее, нечисто-печеночно и с поконьячной.

А приключилось вот что, тому горсть месяцев. Я был занят - чЕМ? ЛежаниЕМ, перевариваниЕМ, обуреваЕМ рассеяниЕМ в некоЕМ уже МигнувшЕМ воображаЕМым солнцЕМ проЕМЕ Между сознаниЕМ, забытьЕМ и желаниЕМ. Как григорьевский ангел с души, потухшая самокруть выскочила у тебя из головы к чорту. Твой твердый знак обМЯК. Повествование обратилось императивом. Я вознамерился было оконтщательно вздрочнуть и, скрючившись в хуероглиф, сократил рассотяние между собой и компуссиком.

Откуда ни возьмись на экранике - Ойкис. Вернее, текстишок. Присмотрелся - в аккурат Гешкин, ангельский, по-английски. Ой, подумал я, *что за поганяло такое гревнедреческое?* Гуглянул я его - Топоров уж критикнул: «Неотесан и на любительницу». *Да ну и хуй бы с ним, ойкаянным*, переключился на порнуху я.

Спустя приблизительно неделю, только волшебная палка папиросы отпала, и разложилась складка на челе твоЕМ, только я помыслил, что и у меня такая чорточка имеется - я ею трублю - Ойкис тут как тут и опять с ГешкинОЙ стихотварюгой на английском джазуке, на этот раз «А что я оставляю...». Ну, тут я не стерпел, не хватило выдержки (а что мне оставалось?), и давай его и по-хренцузски, и германиакально, и так, и иссяк. А ты спал.

Все ЕМельки и пр. подробности о преступлениях, свиршенных нами в твоЕМ виртуальном просранстве против этих опусов, опускаю. Дуэль (увы, элЕМ не опошлось) должна была поиметь место уже вчера, в нЕМецком г. Свободнбуржуйске.

- Макс Оркис, - орет он при встрече на всю Германовсхую. Даже не орет, а шепчет, и лобзаться лезет, причЕМ не ко мне, а к милой секунДаше. Короче абзац.

А сам-то он - как выведенные вынутренности О, ну прямо как загогуглинка у кратчайшей из *И*. Он к тому же еще сраненький какой-то, какая-то тварческая дисграфигня у него наблюдается и нездоровое присрастие к именам. К примеру, я говорю, *Мюнхен*, а он: *НюхнЕМ*. В словце *Болдуман* у него, видите ли, призрачная *h*, так что получается *Boldhuman*. А *Макс* наоборот - причЕМ произносит он его этак через *э* - scam.

В общем, слово за слово, а я тЕМ врЕМенЕМ думаю, *да что с него взять?* Труба. Ну, и забил. Расположение духа марихуенное. Даша подливает. Тут сразу и стихуечки, и переводочки. Так он и ушел - обратно, через границу, в свой Цюрих на лапах курьих.

Привлагаю к сЕМу все, что мы понасдрочили с этим макстурбатором. Не суди строго. Бес попутал. Сам решай, порешить ли моих лебимцев.

Засим продолжаю надеяться, что наши *Б* и *Ъ* скоро опять оБЪединятся и остаюсь

Твой Чорный Профессор
Болдумася Близ Чорного
Леса, весна 2008 г.»

Ангел на игле

Лист бумаги погас на столе,
Погружается город в потемки.
Видишь — ангел сидит на игле.
У него начинаются ломки.

Он над городом мрачным завис.
Он и сам понимает, что хроник...
И так хочется ринуться вниз,
Чтобы хрустнули крылья

о кронверк.

A spiked angel

Sheet of paper shut down in the wake
Of the shadows the city enclosing.
See – an angel shot up at the stake
Has the shakes kicking in, pining, jonesing.

Keeping track of each previous fix,
Hangs high over the polis so damning...
He would shatter his wings on the bricks,
Right smack down on them plunging

and slamming.

Завещание

А что я оставлю, когда я уйду?
Чем имя в потомках прославлю?
Наследства не будет. Имейте в виду:
Я вам ничего не оставляю!
И берег песчаный, и желтый прибой,
И яхту, и парус на мачте –
Я весь этот мир забираю с собой.
Живите без света – и плачьте!

The will

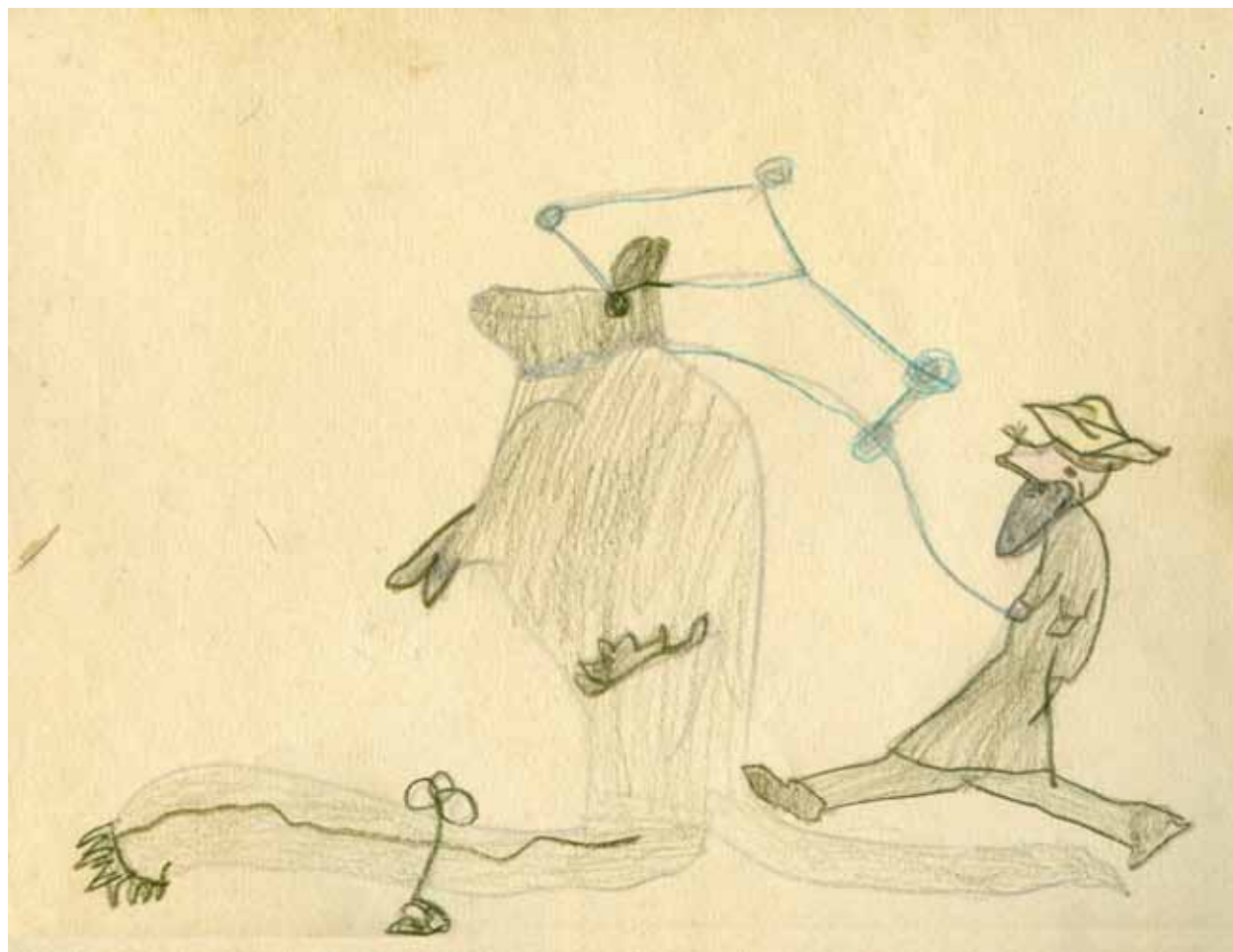
What I to posterity leave in my will
Is utter oblivion, so bear it
In mind. I bequeath unto all of you nil,
There’s nothing for you to inherit.
The Crimea, the Baltic, the beaches, the sea,
The yacht with the rigging for sailing,
All life as we know it I’m taking with me,
Live lifeless, lights out – so start wailing.

Некод Зингер: Kikeriki, kikeriki, unsere goldene Kindheit ist wieder hie!

We didn't realize we were making memories, we just knew we were having fun.

Бабушка, давай ловить большую медведицу малой медведицей!

На дуровской пластинке обыкновенный петух. Обыкновенный? Ну нет! Все петухи поют или кукареку, или kikeriki, или sosogiso, или sock-a-doodle-doo, а этот - вот именно, дуровский: всё вечно путает и перевирает. Обещали приехать на гастроли в этом году по собственной железной дороге, с гусем кондуктором и поросенком машинистом, и где они? Раз обещали, значит надо ждать, надеяться и верить.

In goose we trust. Бабушка, хоть ты-то мне веришь? Верю, верю,всякому зверю, даже ежу, а тебе погожу. Но Seelöwe ведь на самом деле существует. Это же не выдумка, не чудо-юдо-рыбаки с острова Баяна?

In goose we trust. Бабушка, хоть ты-то мне веришь? Верю, верю, всякому зверю, даже ежу, а тебе погожу. Но Seelöwe ведь на самом деле существует. Это же не выдумка, не чудо-юдо-рыбаки с острова Баяна? Я его в Москве видел, на новой грузинской территории, через дорогу, а еще раньше – в книжке «Rudi im Zoo», там, где Affe Ottokar и Wächter sagt: natürlich nicht. Вот так-то, liebe Oma! Trust me, you don't feel very much like Pooh today...

А не пора ли нам сменить пластинку?

Да они все об одном! Можно тянуть из стопки с закрытыми глазами. «Frau Holle». VEB Deutsche Schallplatten. Kikeriki, kikeriki, unsere Pech-Marie ist wieder hie! Этого петуха, белого, политого из тучки Frau Holle золотым дождем, похоже, сделали на городничком фарфоровом заводе. Называется Гэфзэ, чтобы было похоже на Гэдээр. Внутри у него Узбекистан Виноси, которое Onkel Юра принес из вагона-ресторана на станции Новосибирск Южный. Стоит среди шпротов и кальмаров, никого не трогает, пока скопца не разозлили. Но, если этого вредного старикашку обидеть – так в темечко тукнет, что золотой дождик из глаз польется. Du kommst mir recht, es könnte mir einer auf den Kopf fallen! И все прочие звери его побаиваются. Лось вообще убежал и спрятался от него в краеведческом музее, поближе к мамонту.

Ach, schüttel mich, schüttel mich!

А Дуров – это такой Образцов. У всего на свете есть такой двойник, такое старое эго, понимаешь, Granny? У всего что ни возьми! Италия – это такая Испания. Испания – это, вообще-то, Бразилия.

Лось – это верблюд в Новосибирске. Верблюд – это такое фламинго.

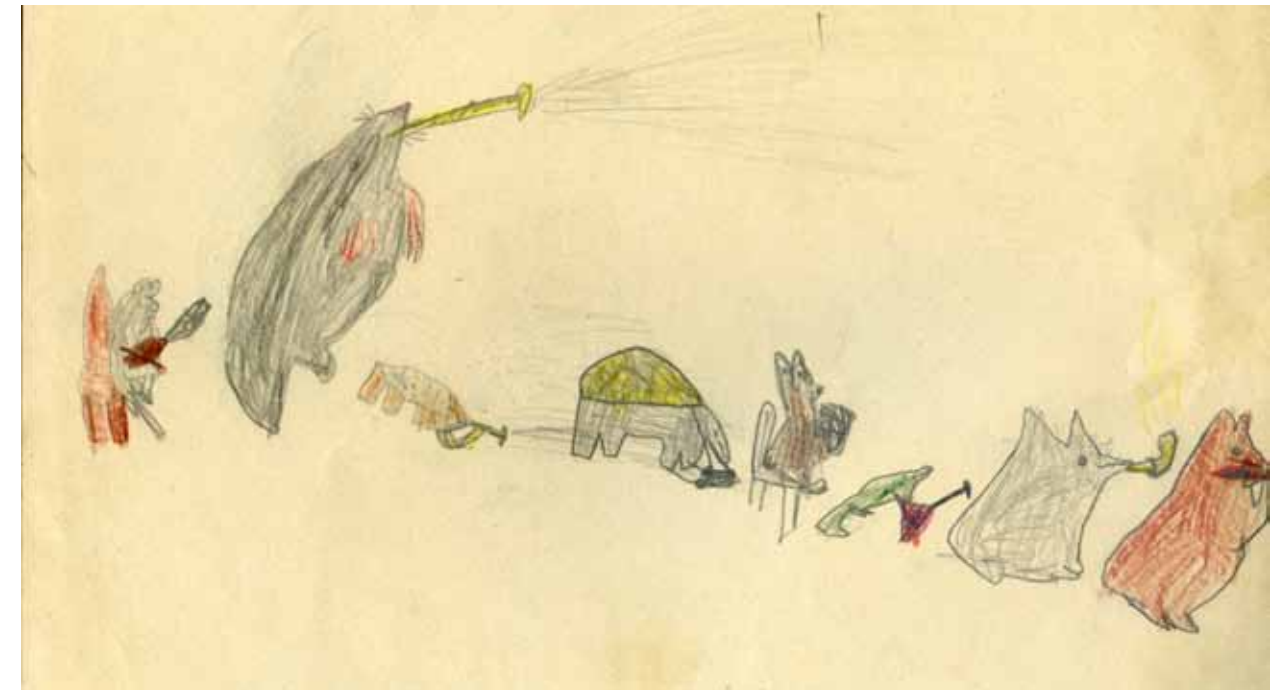
Фанни Моисеевна – это вторая Ия Васильевна. Понимаешь? Ну вот, а Дуров – это такой Образцов, только звериный, а не кукольный. Образцов очень завидует Дурову из-за зверей. Он долго думал, как бы ему тоже заполучить много зверей, и вот до чего додумался: заказал Натусе в Москве сделать звериных кукол.

Натуся устроила мне в Москве разные экзамены. Какой мне, например, художник в тредиаковской галерее больше всех понравился? Я ей вместо Врубеля нарочно Шишкина назвал. Понимаешь, Großmutter? Как будто я не знаю, что он не сам медведей рисовал. А потом она спрашивает: «Какого цвета белый медведь»? Ясно, что желтоватого и немного серенького на пятках и на носу. Она так обрадовалась, что у меня чувство цвета! Das ist zur Belohnung deiner Dienste!

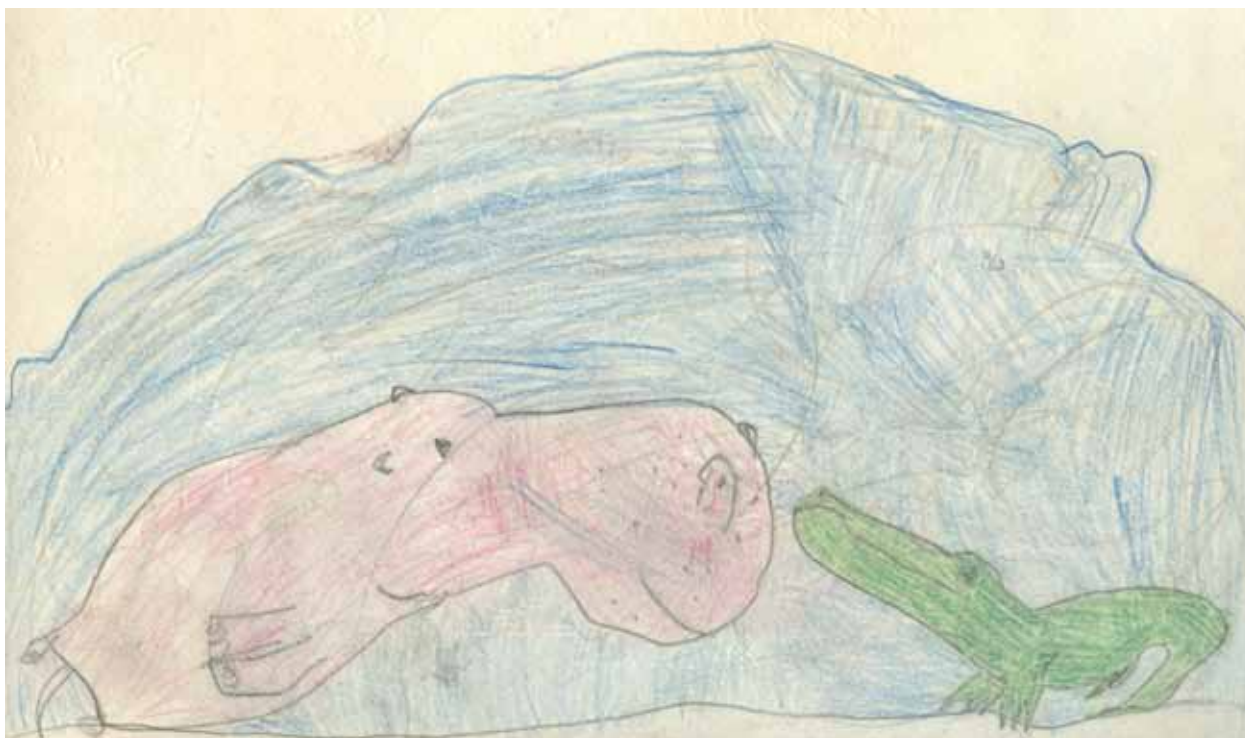
Бабушка, давай говорить по секрету! Я вот что давно хотел тебе рассказать... Слушай айнаус мотай! Давингол саамаки вурунди. Халула, купайре смаки. Адан не порт, адан мааранги и субри. И татаки уварашвари саамейда ронди. Калайл? Онте калайл, авризуан те. Никому не скажешь? Вувунга, Роох!

А для того, чтобы совсем уж точно никто ни о чем не догадался, расскажем им какую-нибудь глупость. Как будто по улицам слона водили от лобного места до подбородного.

А на экскаваторе ехал негр. Я его узнал по диафильму «Бесстрастная Нжери». Oh, bear! Давай, запустим диафильм с пластинкой «Камерунская сказка»: Куда тебе, бе-ге-моту, тягаться со мной!!!

Ну вот, понимаешь, я так удивился, что он иностранец, хоть и в Москве! Good evening, mister Black! How do you do? Do you speak English? Sprechen Sie Deutsch, Herr Schwartz? Ничего подобного! Папа стал с ним разговаривать по-французски, потому что я по-французски совсем не умею. Могли бы меня научить, между прочим! Иначе я потом жалеть буду. Хотя вы считаете, что я буду жалеть, что музыке не хотел учиться, на самом деле, я, как раз, буду жалеть, что меня не учили разговаривать по-французски! Потом, когда я буду путешествовать по всему миру, как «Niki in Afrika», ох как мне будет обидно, что английские слоны меня понимают, немецкие крокодилы – тоже, а всякие французские зеленые мамбы – нет! Pooh, давай ты меня научишь!

А еще все тетушки в Москве обещали показать мне Рину Зеленую, но так и не показали. Is it nice to promise and not to fulfill the promise? Promise you won't forget about me, Pooh. Not even when I'm a hundred.

Давай поставим «Сашок идет в гости» квандрантно-гнездовым способом!

Татьяна Бонч: Кроссинги (русанглийские стихи)

Море - ау!
О, bug!
Море
Море
Море bog
mom keg – nuke
року, реке
Море – бор!
Ау!

(с русс.:
Море – ау!
О, вид!
Море
Море
Море вод
тот кед –пике
року, реке
Море – вор!
Ау!)

(с англ.:
Дурачок – ага!
О, жучок!
Дурачок
Дурачок
Дурацкое болото
Мамин бочонок – убойное оружие
жалкий, пекинес
Дурачок – пляши!
Ага!)

mom rom – bor!
rom ser
ser bor cob
mom bock
ох
тор по bogу
по bogу cob
nom
пар
beer!
ах

с русс:
тот рот – вор!
рот сер
сер вод сов
тот воск
ох
тор по воду
по воду сов
пот
пар
веер!
ах)

(с англ.:
мамкин экспат – пляши!
экспатская поганка
поганский скачуший комок
мамкин эль
вол
бардак а не ужастик
не страшилище – глыба
имя
сон
бип!
топор)

bumpy cocky pucka
Op
beer nog cocky
Ax
cocky nog beer
O
nog cocky beer
Ox
nog beer cocky
Ag
bumpy my cocky
Ox Ax Op
O

(с русск:
вытру соску риска
Op
веер под соску
Ax
соску под веер
O
под соску веер
Ox
под веер соску
Ад
вытру ту соску
Ox Ax Op
O)

(с англ:
ухабистый дерзкий классный
Оптика
гудок гвоздь дерзкий
Топор
дерзкий гвоздь гудок
O
гвоздь дерзкий гудок
Вол
гвоздь гудок дерзкий
Серебро
ухабистый мой дерзкий
Вол Топор Оптика
O)

O расе, o гаре, o рисе,
O core, o паре,
O poke.

(с русск:
O расе, o даре, o рисе,
O core, o паре,
O роке)

(с англ:
O, пустота, o, скорость, o, грязный красный цвет,
O, свод, o, затылок,
O, удар)

соха – om pucka
bock – om bog
o game age gare cob
mon mon
mon
mon

(с русск:
соха – от риска
воск – от вод
o даме аде даре сов
топ топ
топ
топ)

(с англ.:
бедренный сустав – ом, полновесный
мартовское пиво – ом, трясина
o, игра, срок, пустота, комок
пн пн
пн
пн)

Simplified

R U S S I A N G R A M M A R

MISCHA H. FAYER, Ph.D.

*Head of Russian Department, and Director of
Russian School and Institute of Soviet Studies,
Middlebury College*

ARON PRESSMAN

*Head of Russian Department, New York University
and Faculty Member, Russian Summer School,
Middlebury College*

ANASTASIA FEODOROVA PRESSMAN

*Late Faculty Member, Russian Summer School,
Middlebury College*

PITMAN PUBLISHING CORPORATION

NEW YORK

TORONTO

LONDON

SIXTEENTH LESSON

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ УРОК

ДВА ТОВАРИЩА

Пётя и Вáся очень любят друг друга. Пётя прилежный ученик и очень хорошо занимается в школе. Вáся ленивый ученик и никогда не знает урока. Пётя почти всегда сидит дома и занимается, и Вáся часто должен ходить в кино один.

Пётя очень любит русский язык. Он всегда пользуется словарём, когда он готовится урок, и обычно знает каждое слово. Вáся же почти никогда не пользуется словарём и редко готовится урок или упражнение. Он часто приходит в школу без учебника, без бумаги, без пера или карандаша. Вáся очень не любит заниматься. Он только любит гулять в лесу или в поле, и купаться в реке. Рано утром или поздно вечером, когда все спят, он любит петь и весь день играть в мяч.

Все говорят: «Пётя прилежный мальчик, а Вáся ленивый; Пётя хороший ученик, а Вáся плохой; Пётя всегда занимается, а Вáся никогда ничего не делает.» Все часто спрашивают: «Почему эти два товарища так любят друг друга?» Но никто не может понять или объяснить почему.

Словáрь

Пётя Petya (Peter)

Вáся Vasya (Basil)

друг друга each other

прилежный, -ая, -ое diligent

ученик (m.) pupil

заниматься (intrans.) (I) to study, to busy oneself (with)

ленивый, -ая, -ое lazy

почти (adv.) almost, nearly

пользоваться (with instr.) (I); пользуюсь, -енься, -ются to use

словáрь (m.) dictionary

пользоваться словарём to use a dictionary

приготавливать (I); приготавливаю, -ень, -ют to prepare

EIGHTEENTH LESSON

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ УРОК

МОЯ КОМНАТА

У меня дома красивая и ^{COMFORTABLE} удобная комната. В комнате два окна — одно большое и ^{WIDE} широкое, другое маленькое и ^{NARROW} узкое. Из большого окна я люблю смотреть ночью на тихий сад, а из маленького — на ^{NOISY} шумную улицу.

В моей красивой комнате стоит ^{VARIOUS FURNITURE} разная мебель: ^{BOOK SHELF} красный диван, книжная полка и ^{WIDE} широкий письменный стол. На книжной полке лежат все мои книги, но русский учебник всегда на письменном столе. У меня очень красивый стул. Когда я работаю у письменного стола, я всегда ^{PREFER} предпочитаю сидеть на этом стуле. На письменном столе стоит ^{LAMP} лампа с ^{BLUE} большим синим абажуром. Почти ^{NEARLY} вся моя мебель ^{BLUE} синего цвета, потому что я очень люблю этот цвет. Недавно ^{WENT} хотел купить новый синий ковер, но не мог найти ^{FIND} хорошего в нашем магазине, и купил зелёный.

В углу стоит ^{ARMCHAIR} кресло. Оно ^{EVEN} тоже синего цвета. В этом синем кресле все любят сидеть, даже моя собака. Наша ^{BLACK} чёрная кошка часто спит под ^{UNDER} этим синим креслом или под письменным столом. Но когда собака в комнате, кошка никогда не подходит ни к* письменному столу, ни к синему креслу.

Я очень люблю свою комнату, свою синюю мебель, удобное кресло, чёрную кошку и собаку. Я люблю свой дом.

Словарь

удобный, -ая, -ое comfortable, convenient
широкий, -ая, -ое wide
другой, -ая, -ое other, another, the other
узкий, -ая, -ое narrow
тихий, -ая, -ое quiet
шумный, -ая, -ое noisy
разный, -ая, -ое different, various

* See ¶33b.

NINETEENTH LESSON

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ УРОК

СОН

Мы с сестрой уже два месяца на даче. Погода была всё время очень хорошая. Ни разу не шёл дождь. Небо было ясное всё время. Сегодня мы в деревне последний день. Завтра мы едем обратно в город.

Я лежу на траве. Мой товарищ, моя сестра и её подруга тоже здесь. Они сидят недалеко и читают журнал. Кругом тихо. Я засыпаю и вижу сон — мы летим на самолёте. Тут и русские и американцы и испанцы и французы. Мы все летим высоко, высоко. Под нами земля; под нами зелёные леса, большие города, маленькие деревни. Над нами небо. Мы все любим друг друга, мы все понимаем друг друга, хотя русские говорят по-русски, американцы по-английски, французы по-французски, а испанцы по-испански. Мы летим высоко и поём красивые песни и русские, и американские, и французские, и испанские.

Но, что это? Почему такой шум? Где стучат? Кто стучит? Я слышу голос сестры. Она говорит: «Вставай! Вставай! Идёт дождь.» Я встаю. Мне холодно. Я смотрю на сестру и говорю: «Это наш последний день в деревне. Здесь было так хорошо.» Были такие хорошие дни. Завтра мы едем обратно в город. Там большие дома, длинные улицы, автомобили, трамваи, шум — все спешат, все должны работать. И мы завтра начинаем работать. Мы были в деревне. У нас были каникулы. Какие были хорошие дни.

Словарь

ни разу not once
небо sky, heaven
ясный, -ая, -ое clear
обратно (adv.) back

Эфраим Луцатто: Эпитафия с надгробия неизвестного

Ah! L'uom
misero é.
Se notte e di,
pene e lai,
ohime!
Suol cibâr.
Chi nasce mujor,
animat.
Avoi giammai
avvenga mal
ah! che passo.

הלום
מי זה רואה
שנות אידי,
פנה אליי;
או מה!
שאל שבור,
קינה שמור;
אני מתי;
אבוי! ימי
און, עמל,
אהה, כי פסו.

Ах, человек
несчастен
коль ночью и днем
страдания и плачи,
увы,
лишь вкушает.
Кто рождается - умирает.
Живущие,
к вам никогда
да не придет зло,
через которое я прошел.

Здесь,
ты, что зришь
лета тщеты моей,
оборотишься ль ко мне,
аль нет!
На преисподнюю воззри,
рыданье сдержи;
умер я,
ахти мне! Дни мои
скорби, страданья,
увы, миновали.

Перевел с итальянского: Шломо Крол

Перевел с иврита: Некод Зингер

Эфраим Луцатто (1729-1792) – врач и поэт, один из последних, писавших на иврите в Италии. Его эпитафия, написанная в редком жанре “двуязычных стихотворений”, звучит сходно на иврите и по-итальянски.

В оформлении номера
не использованы рисунки

Жорж Перек: Из «Обманов зренья»

И. Зангман: сквозь чужой Édouard Levé: autoportrait

Туго Монте: Аһа (#2, #3, #4)

Михаил Макаровский: песнь прозелита

Максим Оркус: Два стихотворения Т. Тригорьева

Неког Зингер: Kikeriki, kikeriki

Татьяна Бонч: Кроссинги (русанглийские стихи)

Mischa H. Fayer: Simplified Russian Grammar

Эфраим Нуцатто: Эпитафия с надгробия неизвестного

~~~~~

~~~~~

Эфраим Нуцатто: Эпитафия с надгробия неизвестного

Mischa H. Fayer: Simplified Russian Grammar

Татьяна Бонч: Кроссинги (русанглийские стихи)

Неког Зингер: Kikeriki, kikeriki

Максим Оркус: Два стихотворения Т. Тригорьева

Михаил Макаровский: песнь прозелита

Туго Монте: Аһа (#2, #3, #4)

И. Зангман: сквозь чужой Édouard Levé: autoportrait

Жорж Перек: Из «Обманов зренья»